

— Почему ты воровал, прогуливал уроки, дрался и дерзил матери?

«Потому что мой отец — преступник».

— В чем же его преступление?

«Он погряз в похоти, пьянстве и азартных играх. Он превратил нашу жизнь в домашний ад».

— Какое это имеет отношение к твоим проступкам?

«Мать оставалась здесь только ради меня. Я хотел, чтобы она разочаровалась во мне — только тогда бы она сбежала из этого дома».

— ...

— Все это лишь жалкие оправдания твоим ошибкам. Никто не любит плохих детей. Поэтому она бросила тебя, когда тебе было восемь. А он бросил тебя, когда тебе исполнилось восемнадцать.

— Бедный старик. Постарайся сохранить тело в целости, насколько это возможно.

Труп на секционном столе находился в стадии сильного разложения; зловоние стояло невыносимое. Вэнь Чжо старательно разгладил перчатки, добиваясь идеального прилегания к коже, и лениво отозвался:

— Угу.

На этот раз жертвой обстоятельств стал одинокий пожилой человек. Его дети жили в других городах, и тело пролежало в квартире три-четыре дня, прежде чем соседи забили тревогу. Сейчас стояла сорокаградусная жара, а старик экономил на кондиционере. Окна были распахнуты настежь, и мухи, привлеченные трупным запахом, успели отложить яйца. Во время осмотра было заметно, как в ротовой полости копошатся личинки.

Прибывшая полиция связалась с тремя детьми покойного. Те в один голос заявили, что смерть отца кажется им подозрительной, и, захлебываясь слезами, потребовали вскрытия.

Это слегка удивило полицейских, которые уже приготовились уговаривать родственников на экспертизу. Несмотря на современные нравы, в обществе все еще преобладали традиционные взгляды: покойник должен уйти в землю «целым», а вскрытие считалось чем-то постыдным.

Процедура назначения экспертизы была стандартной — обычно тело отправляют в соответствующее бюро, но родственники так настойчиво твердили об убийстве, что дело передали в судебно-медицинскую лабораторию управления уголовного розыска.

Само вскрытие не представляло сложности. Труднее всего было терпеть запах разложения, стоявший несколько дней. Причина смерти казалась очевидной, но процессуальный порядок нельзя было нарушать ни в чем.

Закончив осмотр внутренних органов и взяв срезы тканей, Вэнь Чжо приступил к наложению швов. Он работал сосредоточенно, стежок за стежком.

— Пинцет.

— Ой, держите! — Юй Иньлань, стоявшая рядом, едва сдерживала тошноту. — Учитель, как вы думаете, отчего старик...

— А ты как думаешь? — Вэнь Чжо не поднимал головы.

— Судя по состоянию кожных покровов, это не яд. Смертельных травм тоже нет. Капитан Ван говорил, что в доме нашли лекарства от сердца...

Вэнь Чжо протянул ей контейнеры с образцами тканей:

— В лабораторию.

— Есть...

Результаты пришли быстро: острый инфаркт миокарда.

Юй Иньлань вынесла заключение родственникам, терпеливо разъясняя сложные медицинские термины в документе.

— Я же говорил! Ну какая еще «естественная старость»? Папе всего шестьдесят было! — младший сын покойного был на взводе.

Вэнь Чжо стоял в коридоре у входа в приемную. Он пришел в основном для того, чтобы оценить работу своей стажерки — «подарка» от начальника управления.

Он заметил, что в комнате, помимо родни, присутствуют представители страховой компании. Оказалось, на старика было оформлено сразу несколько страховок: дети по очереди покупали их последние двадцать лет. Теперь причина смерти стала решающим фактором в вопросе о том, кто получит выплату.

Всем было ясно, что пожилого человека без врагов и долгов вряд ли кто-то стал бы убивать. Дети так рьяно настаивали на версии убийства лишь ради того, чтобы добиться максимально тщательного государственного вскрытия. Они не доверяли частным конторам, боясь, что тех

подкупит страховая.

Похоже, в выигрыше остался младший сын. Выходя из приемной, он заметил Вэнь Чжо и с сияющим видом протянул ему руку:

— Спасибо за труды, доктор Вэнь.

— Это моя работа, — Вэнь Чжо даже не шелохнулся, оставив руки в карманах халата.

— ... — Улыбка младшего сына застыла. Спустя мгновение он как ни в чем не бывало убрал руку.

Пока одни ликовали, другие пребывали в унынии. Страховщики ушли, даже не попытавшись выдать вежливую улыбку. Вторая дочь подхватила сумочку и бросила брату:

— У меня дела, я пошла.

— Эй, может, пообедаем вместе вечером?..

Вэнь Чжо не интересовали их семейные дразги. Он кивнул Юй Иньлань, одобряя её действия, и направился в уборную.

Сегодня снова было вскрытие. Несмотря на дезинфекцию, запах, казалось, преследовал его. Такова доля судмедэксперта: со временем ты начинаешь пахнуть так же, как и твои «пациенты».

У Вэнь Чжо была тонкая, чувствительная кожа. Пока он намыливал руки, тщательно оттирая каждый миллиметр, его ладони и тыльная сторона кистей покраснели так сильно, будто началась аллергия.

Вытирая воду, он уже собирался уходить, когда услышал за дверью голоса коллег из отдела токсикологии:

— Вэнь-лаоши, конечно, чертовски хорош собой, но говорят, он вообще не пользуется парфюмом. Запах от него иногда просто сногшибательный.

— Пфф, а ты думала, почему такой красавчик до сих пор один? Да кто выдержит этот «аромат мертвечины»?

— Я тут слышала в управлении, что у него с головой не все в порядке. Это правда?

— Да это просто сплетни. Не болтай лишнего. Если бы у него реально были проблемы с психикой, разве его держали бы в органах?

— И то верно. Слухи — страшная вещь...

Шаги удалились, голоса затихли.

Вэнь Чжо не знал, насколько сильно от него пахнет «смертью». Старый эксперт, который когда-то обучал его, тоже советовал пользоваться одеколоном или чем-то перебивающим запах, но Вэнь Чжо это не заботило.

В зеркале над раковиной отразился высокий силуэт с широкими плечами и узкой талией, хотя со стороны он казался излишне худощавым.

Его внешность признавали выдающейся — в прошлом году его даже в шутку прозвали «главным красавцем управления». Кожа была настолько белой, что сквозь нее просвечивала каждая вена. Четкие брови, выразительные глаза и губы естественного красноватого оттенка — портило картину только полное отсутствие улыбки.

Но больше всего внимания привлекала алая родинка под глазом. Все, кто её видел, твердили, что она ему необычайно идет.

Вот только никто не знал, что десять лет назад этой родинки не было.

Десять лет назад Вэнь Чжо было восемнадцать. Он только закончил школу, когда в его доме вспыхнул страшный пожар.

Ему чудом удалось выжить, но окружающие решили, что он сошел с ума.

На выходе он столкнулся с надутой Юй Иньлань. Завидев его, девушка не выдержала:

— Учитель! О вас сплетничают!

— Они не соврали, — Вэнь Чжо продолжал вытирать руки. — Всех когда-нибудь обсуждают, это нормально.

— ...У вас ангельское терпение, — Иньлань не хотела его расстраивать и резко сменила тему: — Учитель, вы слышали про те видео с издевательствами над кошками в сети?

— Немного.

Вэнь Чжо был в курсе. Когда ролики попали в интернет, живодер подвергся жесточайшей травле. Пользователи вычислили его адрес, место работы — началась цепная реакция. В итоге живодер сам пришел в полицию, заявив, что кто-то взломал его домашние камеры наблюдения

и украл записи.

— Странно всё это. Капитан Ван говорит, что источник публикации найти не могут. Этот урод утверждает, что перед тем, как видео всплыли, он получил письмо и билет на поезд. Ему велели явиться в полночь на вокзал Чжоушань, иначе записи опубликуют.

Вэнь Чжо замер:

— Вокзал Чжоушань заброшен уже много лет.

Они шли к выходу, и у Юй Иньлань поползли мурашки по коже:

— Вот именно! Причем видео утекли с его собственной камеры. Кто, кроме него самого, мог это сделать? Но самое жуткое: как только он подал заявление, билет и письмо исчезли. Прямо из-под носа. Теперь все думают, что он сумасшедший и сам выложил это ради хайпа.

Такое объяснение звучало логично. Многие садисты любят записывать свои «подвиги», чтобы делиться ими с единомышленниками или тешить свое большое самолюбие.

— Вполне возможно.

— Вот бы всех подонков приговаривали к смерти, — в глазах Иньлань на миг промелькнула странная отрешенность. — Ладно, хватит о мусоре. Учитель, вы как домой?

— Пешком.

— Я на машине, подбросить?

— Не нужно, я живу близко.

Когда Вэнь Чжо спускался по ступеням управления, Юй Иньлань крикнула ему вслед:

— Учитель! Не обращайте внимания на их слова! Тот, кто по-настоящему вас полюбит, никогда не побрезгует вашей профессией!

Вэнь Чжо обернулся. Девушка стояла на верхних ступенях, её лица не было видно в густых сумерках.

До него долетел её звонкий голос:

— Прямо как мой парень! Он горой за меня и мою работу в судмедэкспертизе!

— Иди домой, — отозвался Вэнь Чжо. — Будь осторожна.

Его тень на асфальте становилась всё длиннее, пока окончательно не слилась с темнотой.

Вэнь Чжо всегда был таким — держал дистанцию со всеми.

Его наставник, старый Чжэн Догань, часто ворчал: «С кем бы ты ни общался — с новыми знакомыми или старыми коллегами, даже с самыми близкими — не подпускай их слишком близко. Ты никогда не узнаешь, сколько раз человек вымоет руки после вашего рукопожатия и выбросит ли одежду после объятий».

Мир взрослых гибок и лицемерен. Люди прячут брезгливость и страх под безупречными улыбками. Только мертвецы не питают предубеждений к судмедэкспертам.

Спустя пятнадцать минут он был дома. Уличные фонари уже зажглись, заливая всё вокруг тусклым желтым светом.

Вэнь Чжо жил в старом районе, в той самой квартире, где десять лет назад случился пожар.

Огонь тогда распространился быстро, но помощь пришла вовремя. Говорили, что кто-то анонимно позвонил пожарным в ту же секунду, как вспыхнуло пламя. Только благодаря этому Вэнь Чжо, который к тому моменту уже был без сознания, спасли без единой царапины, да и квартира пострадала не сильно.

Однако позже, как ни старались, звонившего так и не нашли.

Старик-охранник узнал его издалека:

— Сяо Вэнь вернулся? Тебе посылка.

— Спасибо, дядя Чжан.

Вэнь Чжо взглянул на имя отправителя — Чжэн Догань. Его первый наставник.

Они не виделись года два. Чжэн уволился с престижной должности, когда жена забеременела вторым, и полностью ушел в семейные заботы. Вэнь Чжо не был из тех, кто поддерживает социальные связи: как только пути расходились, он переставал искать встреч.

Странно, что человек, с которым он не общался два года, внезапно прислал посылку.

Вернувшись домой, Вэнь Чжо осторожно надел перчатки и тонким скальпелем вскрыл упаковку.

Содержимое оказалось неожиданным — светло-зеленое женское нижнее белье в герметичном зип-пакете. Такой способ упаковки обычно используют для хранения вещдоков в полиции.

Внутри также обнаружился пакет с образцом волос и записка: «Пожалуйста, помоги мне».

Вэнь Чжо не знал подробностей, но догадался: Чжэн Догань хотел, чтобы он проверил, совпадает ли ДНК на белье с ДНК волос. Но раз Чжэн не позвонил лично, значит, дело серьезное. Скорее всего, он боялся подставить ученика, если все это вскроется.

Тук-тук.

Внезапно в дверь постучали.

Семь вечера. У Вэнь Чжо почти не было друзей, а тех, кто знал его адрес, можно было пересчитать по пальцам. Доставку он не заказывал, посылок не ждал, службы ЖКХ не ходят по вечерам...

Дело было не в подозрительности — просто время для стука было слишком «удачным», как раз когда он вскрыл посылку Чжэна.

Вэнь Чжо спрятал пакеты под диван и заглянул в глазок. За дверью было пусто.

Сжимая в одной руке скальпель, он другой осторожно повернул ручку. В коридоре стояла тишина. Никого. Он заглянул в пролеты лестницы — ни души.

Но когда он уже собирался закрыть дверь, то заметил на полу черный конверт.

□Вэнь Чжо (лично)□

Он недовольно нахмурился.

Скорее всего, это письмо связано с посылкой Чжэн Доганя. Ему крайне не нравилось, когда его втягивали в сомнительные дела, не спросив согласия.

Однако когда кончик скальпеля вскрыл конверт, внутри обнаружились лишь лист бумаги, билет и старая фотография. Эти вещи явно не имели отношения к его наставнику.

Билет выглядел странно: обычно они синие, но этот был угольно-черным.

Вэнь Чжо тут же вспомнил рассказ Иньянь про живодера. Тот тоже утверждал, что получил билет, а когда проигнорировал его — видео попало в сеть.

Информация на билете была краткой:

□Пассажир: Вэнь Чжо□

□ID: A00001□

□Следующая станция: деревня Лицзя□

□Время посадки: 2 августа, 00:00□

На обороте билета был набросан схематичный силуэт кошки.

Что касается фотографии... Вэнь Чжо нахмурился еще сильнее.

На снимке была темная комната. Сквозь щель в шторах пробивался тонкий луч света. На краю кровати сидел подросток и с мрачной одержимостью сверлил взглядом занавески. В его руке была дешевая пластиковая зажигалка из супермаркета, на конце которой дрожал крохотный язычок пламени.

В угрюмых чертах этого юноши без труда угадывался нынешний Вэнь Чжо.

В правом нижнем углу фото стоял код: «Улика A00001».

— Почти полночь, — руки Чжао Сяовэй ходили ходуном. Дрожащими пальцами она достала сигарету и чиркнула зажигалкой.

— В поездах нельзя курить, — напомнил сидящий напротив Нин Чжихан.

— Ты посмотри вокруг! Это, по-твоему, нормальный поезд?! Станция заброшена сто лет назад, кому есть дело до курения!

Вагон выглядел странно: под потолком тускло светила одна-единственная овальная лампа старого образца. Всего шесть мест. Единственная дверь была заперта наглухо. Толстяк, пытавшийся выломать её, тяжело дышал:

— Твою мать, она не открывается!

Чжан Юн забился в угол, весь сжавшись:

— Не надо было сюда приходить...

— Блядь! Черт бы всё побрал! — Толстяк, после очередной неудачной попытки вышибить дверь, с размаху сел на пол. Чжао Сяовэй почувствовала, как вагон содрогнулся под его весом.

Окна в вагоне были, но аварийных молотков нигде не наблюдалось.

Никто не хотел здесь оставаться, но и выхода не видел. Наконец из угла раздался голос:

— Можете попробовать выскочить, когда будет заходить последний человек.

Все разом обернулись к говорившей. Женщина прислонилась к окну; внешность у неё была заурядная, но от неё исходило какое-то пугающее спокойствие.

— С чего ты взяла, что будет еще кто-то? — подозрительно спросил Нин Чжихан.

— Здесь шесть мест. Нас пока пятеро, — сухо ответила женщина. — Мы все сейчас в одной лодке, так что нет смысла юлить. Вы ведь тоже здесь из-за билетов и «улик»?

Чжан Юн криво усмехнулся:

— А если этот последний не придет?..

Тогда они вообще отсюда не выберутся?

Женщина задала встречный вопрос:

— Но ведь вы же все пришли?

— ...

Каждый из них получил одинаковое письмо с фотографией, изобличающей их преступление. В углу каждого снимка стоял порядковый номер.

Толстяк в ярости ударил по сиденью:

— Кто, сука, над нами так издевается?!

Нин Чжихан помолчал, а потом добавил:

— Главное — зачем нас собрали вместе? Мы же вообще никак не связаны.

— Мечь? Или кто-то решил поиграть в «вершителя правосудия»? Да пошел он на хер! — Толстяк оскалился, глядя на единственный динамик под потолком. — Лучше бы мне не знать, кто ты. Иначе я превращу тебя в труп раньше, чем ты успеешь вынести приговор!

Чжан Юн втянул голову в плечи. Неужели этот жиртрес — убийца?

Сквозь ругань толстяка и тяжелое ожидание Чжао Сяовэй чувствовала на себе чужие взгляды.

Её лицо в табачном дыму исказила судорога. Нервы были на пределе.

Что задумал тот, кто заманил их сюда? Есть ли люди в других вагонах?

И самое важное... когда она это делала, рядом точно не было камер. Откуда в письме взялось фото её преступления?

Она невольно вздрогнула, стряхивая пепел.

Рано или поздно за грехи приходится платить.

— Возмездие настигнет каждого... — прошептала Чжао Сяовэй.

— Че ты там несешь?! — рявкнул толстяк.

Нин Чжихан не обратил на них внимания:

— Девять минут до полуночи.

Последний пассажир так и не появился.

<http://bllate.org/book/17594/1635205>